

М о н и к а
С п и в а к

МОЗГ
ОТПРАВЬТЕ
ПО АДРЕСУ...

ВЛАДИМИР ЛЕНИН, ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ,
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ В КОЛЛЕКЦИИ
МОСКОВСКОГО ИНСТИТУТА МОЗГА

Санкт-Петербург

УДК 612.82
ББК 20.707
С 72

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.
Иллюстрация на обложке Марии Волохонской

Спивак М.

С 72 Мозг отправьте по адресу... : Владимир Ленин, Владимир Маяковский, Андрей Белый, Эдуард Багрицкий в коллекции Московского Института мозга / Моника Спивак. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 608 с.

ISBN 978-5-389-31724-6

Московский Институт мозга — один из забытых утопических проектов советской эпохи, в чьи задачи входило постижение загадочного феномена человеческой гениальности. Сотрудники института имели право на изъятие мозга у знаменитых людей, а после изучения мозг полагалось помещать в специальный пантеон. Среди «клиентов» института оказались Ленин, Маяковский, Андрей Белый, Эдуард Багрицкий. Ученые искали ответы на вопросы не только с помощью биологических исследований, но и анкетирова родственных и знакомых «подопытных». Благодаря этому в распоряжении института оказались уникальные документы, рассказывающие о привычках, здоровье, пристрастиях и слабостях героев. Опираясь на архивные источники, Моника Львовна Спивак создала настоящий культурологический детектив, в котором пропадают и потом внезапно находят целые архивы, а фантазмагорические проекты оживают, чтобы после застыть навсегда. В книге «Мозг отправьте по адресу...» приведены «психологические портреты», выполненные под руководством профессора Г. И. Полякова, оригиналы которых хранятся в Государственном литературном музее («Мемориальная квартира Андрея Белого». Второе издание).

УДК 612.82
ББК 20.707

© М. Л. Спивак, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-31724-6

ЧАСТЬ I

Пантеон
российских
мозгов

Три смерти: Владимир Маяковский, Андрей Белый, Эдуард Багрицкий

«— Подождите, — сказал Олеша. — Это не самое странное. Самое странное, даже, я бы сказал, необъяснимое, при всей своей матерьяльности, было то, что я видел вчера в Гендриковском переулке, где еще совсем недавно мы играли в карты до рассвета... Вы знаете, что это? Мозг Маяковского. Я его уже видел. Почти видел. Во всяком случае, мимо меня пронесли мозг Маяковского.

И Олеша, перескакивая с образа на образ, рассказал нам то, что потом с такой поразительной художественной точностью появилось в его книге „Ни дня без строчки“:

„...вдруг стали слышны из его комнаты громкие стуки — очень громкие, бесцеремонно громкие: так могут рубить, казалось, только дерево. Это происходило вскрытие черепа, чтобы изъять мозг. Мы слушали в тишине, полной ужаса. Затем из комнаты вышел человек в белом халате и сапогах — не то служитель, не то какой-то медицинский помощник, словом, человек, посторонний нам всем; и этот человек нес таз, покрытый белым платком, приподнявшимся посередине и чуть образующим пира-

миду, как если бы этот солдат в сапогах и халате нес сырную пасху. В тазу был мозг Маяковского...» —

этот рассказ не мог забыть и спустя тридцать с лишним лет В. П. Катаев¹.

Смерть В. В. Маяковского потрясла Советскую Россию. В те печальные весенние дни 1930 года газеты сообщили: «14 апреля, в 10 [часов] 15 [минут] утра в своем рабочем кабинете покончил жизнь самоубийством поэт Владимир Маяковский. (...) Днем, 14 апреля, тело Маяковского перевезено на его квартиру в Гендриковом переулке»². Но еще до выхода газет известие о роковом выстреле Маяковского молниеносно облетело Москву. На месте трагедии собрались многочисленные друзья и знакомые покойного. Естественно, не только Юрий Олеша стал свидетелем изъятия мозга поэта. «...Пилою такой специальной начали пилить, такой докторской пилой... Чашка, черепная крышка, отошла, и в ней был мозг. Ну вот, положили, значит, мозг и сказали, что очень большой мозг, понимаете ли...» — вспоминал увиденное художник Н. Ф. Денисовский³. Чуть менее экспрессивно о том же рассказывал другой мемуарист и писатель, приятель Маяковского Л. В. Никулин: «14 апреля 1930 года, поздно вечером, мы пришли в квартиру Маяковского в Гендриковом переулке. Маленькая, тесная квартира была полна народа. (...) Из комнаты, где лежал Маяковский, вышли люди в белых халатах. То были сотрудники института мозга. (...) Они несли завернутую в полотно банку. Это, скрытое в белом, было мозгом Маяковского. Потом нас пустили к нему. Он лежал на кровати, у стены, с желтовато-серым лицом и синими тенями у глаз»⁴. Не будем обращать внимание на частности: в та-

зу или в банке выносили из квартиры мозг поэта. «Скрытое в белом» (то есть завернутую в полотно банку или же таз) препроводили в дом № 43 по Большой Якиманке, в Московский институт мозга, о чем в «Журнале поступлений» была сделана соответствующая запись. Эта запись впервые была воспроизведена в публикациях Валентина Скорятин, посвященных «тайне гибели Владимира Маяковского»⁵.

В неожиданном самоубийстве Маяковского было много неясного, что порождало слухи и подозрения. Действительно, обстоятельства и причины смерти, недостойной поэта, «революцией мобилизованного и призванного», и неудобной для советской власти, которая желала видеть в Маяковском певца нового социального строя, не афишировались и были покрыты завесой тайны. Однако из самого факта изъятия мозга, напротив того, никакой тайны не делалось. Такие впечатлительные мемуаристы, как Юрий Олеша и Лев Никулин, может, и были потрясены громкими стуками, производимыми прозекторами при вскрытии черепа, но в печати об этом сообщали без малейшего надрыва, спокойно и даже горделиво, как о чем-то вполне естественном. Манипуляции с мозгом, наряду с гражданской панихидой и кремацией, входили в программу мероприятий по организации почетного погребения.

В 18 ч[асов] 30 м[инут] скульптор К. Луцкий и формовщик К. Кучеров сняли посмертную маску с лица покойного поэта.

20 ч[асов]. Профессора из Института мозга берут мозг В. Маяковского на исследование. Мозг Маяковского весит 1700 граммов. Примечание: средний вес человеческого мозга 1300–1350 граммов.

Исследование мозга Маяковского будет произведено в ближайшие дни.

В полночь тело В. Маяковского перевезено в Клуб писателей.

Друзья покойного поэта, представители литературных и общественных организаций провели у гроба поэта всю ночь. (...)»⁶ —

извещалось в «Хронике похорон».

Апрельские газеты были наполнены сообщениями о различных, порой весьма экзотических способах увековечения памяти покойного. В их числе рассматривалось и исследование мозга. В «Литературной газете» за 21 апреля 1930 года появилась специальная заметка, озаглавленная «Мозг В. В. Маяковского»; в ней давался краткий отчет об уже проделанной по итогам вскрытия работе и намечались общие перспективы работы дальнейшей:

Государственным институтом по изучению мозга 14 апреля в 8 час[ов] веч[ера] был извлечен мозг покойного В. Маяковского. По внешнему осмотру мозг не представляет сколько-нибудь существенных отклонений от нормы. Вес его 1700 граммов — при среднем весе у взрослого мужчины 1400 граммов.

Институт мозга приступил к предварительной обработке мозга В. В. Маяковского, чтобы приготовить его к микроскопическому изучению. В ближайшее время материалы, относящиеся к мозгу В. В., будут включены в коллекцию Пантеона ГИМ.

Институт мозга обращается ко всем близким и знакомым поэта с просьбой предоставить в его распоряжение все сведения, характеризующие В. Маяковского, а также

соответствующие материалы: фото в различные периоды жизни, автографы, рисунки Маяковского, личные письма, записки и другие документы⁷.

Впоследствии о том, что делали «профессора из Института мозга», информировать народ перестали, и плотной завесой тайны оказалась покрыта не только смерть Маяковского, но и судьба его мозга. Многие специалисты безуспешно пытались приподнять эту завесу. Проводивший «журналистское расследование» «тайны гибели Владимира Маяковского» Валентин Скорятин попытался навести справки у тех, кто сегодня работает в Институте мозга. С их слов сообщенные в книге Скорятина сведения скудны и недостоверны:

Исследования института, по мнению новой власти, должны были подкрепить мысль о том, что большевистская идеология является «высшей стадией эволюции человечества». Коллекция и подбиралась в соответствии с этим. (...) В необычной коллекции оказались мозги Куйбышева, Кирова, Горького, Калинина, Сталина...

Как удалось мне выяснить, изъятие «материала» для исследований проводилось не сотрудниками института, да и круг лиц, чьи мозги попадали в лабораторию, определялся отнюдь не учеными мужами. И то, что фамилия Маяковского оказалась в «ряду избранных», верный знак того, что ход трагических событий контролируют всемогущие силы⁸.

Бесспорно здесь лишь одно умозаключение Скорятина: «Понятно, что не каждый покойник удостоивался такой чести. Предметом научных изысканий мог быть мозг лишь определенных знаменитостей...»⁹

В отличие от Владимира Маяковского, первого поэта революции, писатель Андрей Белый (псевдоним Бориса Николаевича Бугаева) не был в большом фаворе у советской власти. Символист, мистик и антропософ, он считался носителем идеологии буржуазной, устаревшей, в лучшем случае — «попутнической». Андрей Белый умер после продолжительной болезни в начале 1934 года.

...В январский суровый вечер 1934 года я зашел в Анатомический музей одной из клиник на Большой Пироговской. Служитель провел меня в большое пустынное помещение. Там на огромном цинковом ложе я увидел смертное тело человека. Это было тем, что осталось от писателя Андрея Белого и — человека, Бориса Николаевича Бугаева.

Иное впечатление: это тело казалось не трупом, а было подобно совершенным созданиям гениального художника античных времен. Но художником была сама Природа, создавшая это совершенное тело, —

писал впоследствии Петр Никанорович Зайцев¹⁰, младший друг и литературный секретарь Андрея Белого. Вместе с женой писателя, Клавдией Николаевной Бугаевой, П. Н. Зайцев дежурил у больничной постели, после делал с ней тяжесть горя, бремя бюрократических и бытовых хлопот. Автор уникальных дневников и воспоминаний¹¹, П. Н. Зайцев запечатлел образ Андрея Белого в жизни и, как мы видим, в смерти.

Смерть наступила 8 января 1934 года от паралича дыхательного центра. Это установило вскрытие. 9 января

в книге регистрации актов гражданского состояния сделали соответствующую запись. Тогда же, 9 января, в помещении Оргкомитета Союза советских писателей, в доме № 50 по улице Воровского, проходила гражданская панихида. 10 января состоялась кремация, а 16-го была готова урна: «8-гр[анная], сер[ая], мр[аморная], прод[олговатая] писателю т. А. Белому». 18 января урну захоронили на Новодевичьем кладбище.

Казалось бы, отныне жизнь и творчество Андрея Белого становятся исключительным достоянием мемуаристов, биографов, критиков. Но нет, сразу же в день смерти интерес к писателю был проявлен со стороны учреждения, весьма далекого от литературы. И этим учреждением опять-таки был Институт мозга: «Тело Андрея Белого очень скоро было перевезено из лечебницы имени Корсакова на Божениновской улице в клинику на Б. Пироговской — для вскрытия... и извлечения мозга...» — продолжал П. Н. Зайцев.

К работе над мемуарами об Андрее Белом П. Н. Зайцев обратился в 1950-е годы; помня главное, он упустил некоторые детали происходившего в те печальные январские дни, а может, просто не посчитал нужным о них писать. В его письме, датированном 11 января 1934 года, события трехдневной давности еще свежи в памяти и переживаются с непосредственной остротой¹²:

Его не стало. И с тем большей глубиной и любовью живет он в сознании, в памяти, в сердце. Живет очищенный, освобожденный от всего преходящего. 6 января я был у него в последний раз, ухаживая за ним, еще живым, с 3 ч. дня до 10 ч. вечера. Говорил с ним, слышал его голос, помогал ему. А 8-го — в понедельник, мне позвони-

ли по телефону о его кончине. Он скончался в 12:30 дня. В два часа я был в клинике. Без слов обнялись с К[лавдией] Н[иколаевной]. Она открыла его лицо. Оно сияло улыбкой и было исполнено света и покоя. Это было лицо Дитяти и Мудреца, отрешенного от всего земного. К. Н. рассказала о его последних минутах. Смерть его была тиха и спокойна. Он умер-уснул. За десять минут до конца он говорил с ней — о свете.

В половине третьего мы проводили его в анатомический зал клиники около Новодевичьего.

На другое утро в 10 часов мы с А[лексеем] С[ергеевичем]¹³ были в Анатомическом. Через час проф. Абрикосов¹⁴, производивший вскрытие, подошел к нам с Т[атьей] П[авловной]¹⁵ и рассказал нам, что они нашли в момент вскрытия. Бóльшая часть сосудов мозга была захвачена склерозом. Был ряд кровоизлияний — первое в Коктебеле¹⁶ и последнее — 8 января. Положение было непоправимое. Лечение слишком запоздало. Полтора-два года назад нужно было приняться за серьезное лечение. Удар в Коктебеле, по словам проф. Абрикосова, только ускорил неизбежную развязку. Т. П. подтвердила это, когда мы остались втроем.

Мозг тотчас же после вскрытия поступил на исследование в Институт мозга...

Прощание с Андреем Белым не было обставлено столь помпезно, почетно и торжественно, как прощание с Маяковским. Не было ни специальных выпусков газет, ни многочисленных поспешных мемуаров родных и друзей; и имя Белого никому и ничему не было присвоено... Даже в скупых строках некрологических статей тщательно отмечалась чуждость писателя советской идеологии, советскому строю... Только в одном некрологе слова

о Белом носили апологетический характер: его называли «замечательнейшим писателем нашего века», «гением». Этот некролог был напечатан в газете «Известия» и подписан тремя братьями по перу, писателями Б. Л. Пастернаком, Б. А. Пильняком и Г. А. Санниковым¹⁷. Как оказалось, Пастернаку, Пильняку и Санникову принадлежало не только авторство некролога; именно они выступили инициаторами и другой «увековечивающей идеи» — сохранить мозг Белого для науки и потомства. Об этом недвусмысленно говорится в записных тетрадях Григория Александровича Санникова, молодого литератора-коммуниста, с которым Белый сблизился и сдружился в последние годы жизни: «В оргкомитете происходило заседание секретариата. (...) Почтили вставанием. Предоставили слово мне и Пильн[яку]. Образовали комиссию. Подошел Пастернак. Наметили порядок. Приехали в клинику, в анатомичку, оставили заявление о передаче мозга в Ин[сти]тут мозга. Заехали к Кл[авдии] Ник[олаевне]. Вечером засели за некролог»¹⁸.

Хвалебный некролог в газете «Известия» вызвал нешуточные нарекания властей. Всерьез обсуждались карательные меры, которые стоило бы принять в отношении авторов, переоценивающих талант и значение Белого. Санников чуть не заплатил за этот некролог партийным билетом... Однако и власти, вероятно, считали Белого гением: иначе не было бы отдано распоряжение об изъятии и сохранении его мозга...

Дополнительные нюансы истории, связанной с мозгом Белого, обнаружились в письме от 23 июня 1981 года, адресованном известному литературоведу Д. Е. Максиму. Автором письма была М. Н. Жемчужникова, зна-

комая Белого и подруга его жены. Со слов К. Н. Бугаевой, она вспоминала следующее:

Существовало какое-то медицинское учреждение, специально занимавшееся исследованием мозга умерших людей (конечно, не всех подряд, а выдающихся). Туда был направлен и мозг Бориса Николаевича.

Из этого заведения приходили сотрудники к Клавдии Николаевне и очень допрашивали — не был ли Борис Николаевич левшой. И очень удивлялись, что не был. Она тоже удивлялась их вопросу. Было бы интересно узнать, какие именно особенности этого мозга наводили их на мысль, что он был левшой¹⁹.

Итак, в январе 1934 года коллекция Института мозга пополнилась еще одним экспонатом — мозгом Андрея Белого.

Поэт Эдуард Багрицкий умер от астмы 16 февраля 1934 года. И сотрудники Института мозга пришли расспросить о покойном его близкого друга, того самого писателя, который в 1930 году нарисовал столь экспрессивную картину изъятия мозга Маяковского, — Юрия Олешу. Об этом Олеша не стал красочно рассказывать: или не посчитал нужным, или, скорее всего, уже не был так потрясен. В 1930-е годы изъятие мозгов знаменитых людей ставилось на поток. Коллекция института стремительно пополнялась. Общество привыкло к столь экзотической форме увековечения памяти усопших гениев и с уважением относилось к дерзаниям ученых. «Московскому институту мозга суждено приподнять острием

ЧАСТЬ I. ПАНТЕОН РОССИЙСКИХ МОЗГОВ

своих выводов мистическую завесу, веками прикрывавшую проблемы мозговой коры, — писала газета „Правда“. — Мозговая кора, этот сгусток индивидуального опыта, не представляет собой однородно построенного органа. Мозговая кора разделяется на так называемые территории и поля различных структур. И здесь, в этих структурных соотношениях, в архитектонике коры большого мозга, институт ищет истоки гениальности»²⁰.

Смерть Ленина — от тела к мозгу

В Советской России эталон гениальности был известен. Им служил вождь мирового пролетариата Владимир Ульянов (Ленин). Его мозг был заведомо гениальнее прочих гениальных мозгов.

Владимир Ильич Ленин умер в 18 часов 50 минут 21 января 1924 года. Этой смертью было положено начало знаменитой коллекции Института мозга, той самой коллекции, в которую потом попали и Белый, и Багрицкий, и Маяковский.

Впрочем, все произошло не сразу. Канонизация вождя совершалась постепенно — можно сказать, по частям. В ночь на 22 января была создана правительственная комиссия по организации похорон (впоследствии — по увековечению памяти) В. И. Ленина²¹. Эта комиссия работала долго и занималась присвоением имени Ленина городам, предприятиям и учреждениям; контролем за изображением вождя в живописи, литературе и мемуаристике; собиранием его архива; изданием произведений; возведением памятников и многими другими делами. Среди них первостепенным было — определиться

с ритуалом погребения и решить судьбу тела вождя после похорон. Перебирались возможные варианты.

Сначала думали только о том, чтобы сберечь тело «на некоторое время» (с помощью временного бальзамирования и при поддержке зимней стужи) — чтобы советские люди могли проститься. Потом от идеи «временного» сохранения перешли к мечтам о постоянном.

Думали о возможности мумифицирования и опыте Древнего Египта, о заспиртовывании, которое практиковали в России при Петре I... Глубокая заморозка тела, предложенная в конце января Л. Б. Красиным, казалась первоначально самой привлекательной и перспективной. Сейчас глубокая заморозка, именуемая красивым словом «креонирование», все больше входит в моду, прежде всего на Западе. Однако в российских условиях середины 1920-х годов она допускала риск оттаивания; да и холодильную аппаратуру, специально закупленную для этого, не успевали смонтировать до того, как в теле произойдут необратимые процессы разложения...

Не исключали и самого простого, естественного варианта — почетного погребения тела на Красной площади. Одни предлагали предать тело вождя земле — из соображений следования традиции, другие просто не верили в возможность длительного сохранения тела²².

Выбор варианта музеефикации и экспонирования тела в мавзолее был определен сугубо политическими доводами.

— Вы видели за эти дни паломничество к гробу Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся, — говорил Сталин на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 года. — Через некоторое время вы увидите паломничество миллионов трудящихся к могиле товарища Ленина. Мо-

жете не сомневаться в том, что за представителями миллионов потянутся потом представители десятков и сотен миллионов со всех концов света, чтобы засвидетельствовать, что Ленин был вождем не только русского пролетариата, не только европейских рабочих, не только колониального Востока, но и всего трудящегося мира земного шара²³.

Итак, был выбран курс на организацию паломничества. Однако только в начале марта, в преддверии весенней оттепели, было принято решение «удалить внутренности, лицо покрыть вазелином»²⁴ и все-таки наконец определить наиболее подходящий способ длительного сохранения тела. И лишь в конце месяца победила концепция бальзамирования, предложенная Б. И. Збарским и В. П. Воробьевым²⁵. «Мощи» вождя, полученные в результате работы по их методике, действительно привлекли паломников, они и сегодня лежат в Мавзолее на Красной площади.

Внимание к мозгу Ленина было приковано ничуть не меньше, чем к его телу. Ведь именно тяжелая, не вполне ясная по происхождению болезнь мозга послужила причиной столь раннего, в 53 года, ухода вождя из жизни. Детальное описание чудовищных поражений тканей и сосудов мозга занимало центральное место в сообщениях о смерти, протоколах вскрытия, отчетах патологоанатомов, мемуарах врачей.

Основной болезни Владимира Ильича считали затвердение стенок сосудов (артериосклероз). Вскрытие подтвердило, что это была основная причина болезни и смерти Владимира Ильича. Основная артерия, которая питает примерно $\frac{3}{4}$ всего мозга, — «внутренняя сонная артерия» (...) при самом входе в череп оказалась настолько

затверделой, что стенки ее при поперечном перерезе не спадались, значительно закрывали просвет, а в некоторых местах настолько были пропитаны известью, что пинцетом ударяли по ним, как по кости. (...) Отдельные веточки артерий, питающие особенно важные центры движения, речи, в левом полушарии оказались настолько измененными, что представляли собой не трубочки, а шнуры: стенки настолько утолстились, что закрыли совсем просвет. (...) На всем левом полушарии оказались кисты, то есть размягченные участки мозга; закупоренные сосуды не доставляли к этим участкам кровь, питание их нарушалось, происходило размягчение и распадение мозговой ткани. Такая же киста констатирована была и в правом полушарии. (...) С такими сосудами мозга жить нельзя, —

информировал о том, «что дало вскрытие тела Владимира Ильича», нарком здравоохранения Н. А. Семашко²⁶.

Наркому вторили другие:

Вот представьте себе, что закупоривается просвет артерии на уровне ее общего ствола, — тогда все, что питается этой артерией, страдает, начинается явление размягчения мозга. (...) Общий ствол левой артерии был до того закупорен, что можно было в просвет его пропустить только щетину. (...) Артерия основания мозга оказалась тоже закупоренной настолько, что оставался просвет лишь в толщину булавки...²⁷

...в момент вскрытия мозг предстал перед присутствовавшими на нем врачами в обезображенном виде, с рубцами, извратившими очертания наиболее благородных в функциональном отношении извилин его. (...) Краса его — извилины — запали; пострадало серое и белое вещество, окраска изменилась на оранжевую; образовались кисты и очаги размягчения²⁸ и т. п.

В этих и многочисленных им подобных описаниях все было неладно. Во-первых, вес мозга вождя оказался велик (1340 граммов), не превосходил нормы и даже чуть-чуть до нее недотягивал. В принципе, ученым давно было известно, что вес мозга не влияет на особенности, интенсивность и качество умственной деятельности, но все-таки... Ведь мозг Тургенева весил 2012 граммов, мозг Байрона — 1800 граммов. А в случае с Лениным особенно хотелось, чтобы человек такого выдающегося, могучего ума обладал и выдающимся, могучим и во всех смыслах весомым мозгом.

Во-вторых, неясная болезнь, разрушившая орган мысли вождя мирового пролетариата, требовала именованья и объяснения. Последнее было особенно важно, так как активно циркулировали требующие немедленного опровержения слухи о ее «специфическом» люэтическом²⁹ происхождении.

В обоих случаях на помощь науке патоанатомии пришла идеология. С весом справились быстро. Если прежде говорили о том, что обычный вес мозга примерно 1395–1400 граммов, то теперь стали называть нормой мозг и в 1300 граммов.

Кроме того, использовали и фактор болезни, уничтожившей часть мозговых тканей. «Вес мозга оказался 1340 граммов, но это вес не полный, так как часть мозга была уничтожена болезнью; он ниже нормы. Средний вес человеческого мозга 1300–1400 граммов. Если себе представить здоровый мозг Владимира Ильича, то, принимая во внимание его сложение, в нем было, вероятно, около 1400 граммов, то есть несколько выше среднего», — сообщал известный психиатр В. П. Осипов, опираясь на «личные впечатления» о «болезни и смерти

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

МОНИКА ЛЬВОВНА СПИВАК

МОЗГ ОТПРАВЬТЕ ПО АДРЕСУ...

Владимир Ленин, Владимир Маяковский,
Андрей Белый, Эдуард Багрицкий
в коллекции Московского Института мозга

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Светлана Федорова, Наталья Бобкова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 09.04.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 37,24. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

У-МТН-48989-01-R